

шась к Крийону, вскричал: «Враги напали на город!» — Крийон, не дрогнув, сказал: «Вперед! Умрем храбрее!» Потом де Гиз признался ему, что пошел на хитрость, дабы посмотреть, правда ли Крийон никогда ничего не боится. «Молодой человек, — резко ответил ему Крийон, — окажись вы свидетелем малейшей моей слабости, я бы вас заколол».

Когда г-н дю Перрон, тогдашний епископ в Эврэ, наставляя короля, заговорил о Чистилище, Генрих IV сказал ему: «Оставим это, не отбивайте хлеб у монахов».

Это мне напоминает того лекаря г-на де Креки, что прибыл в составе его посольства в Рим. Кто-то в Ватикане спросил этого лекаря, где папская кухня, на что он ответил со смехом: «В Чистилище». Его чуть было не привлекли к суду инквизиции, но, узнав, у кого он служит, не посмели.

В ту пору в Париж приехал Арлекин²⁰ со своей трупой; явившись на поклон к Королю, оп, отычавшись необыкновенной бойкостью, выбрал время, когда Его Величество поднялся с трона, тотчас же уселся на его место и, обращаясь к Королю, как если бы тот был Арлекином, сказал: «Итак, Арлекин, вы прибыли сюда со своей трупой, дабы поразвлечь меня. Я очень рад; обещаю вам свое покровительство: назначаю вам такое-то содержание» и т. д. Король ни в чем ему не прекословил, по под конец сказал: «Ну, хватит! довольно вы играли мою роль, теперь дайте мне сыграть ее самому».

Попутно мне вспомнился один рассказ из английской жизни. Милорд Монтэгю был недостаточно вознагражден за свои услуги королем Иаковом; и вот однажды, когда некий шотландский дворянин, коему Король под разными предлогами отказывал в аудиенции, явился просить его о награде, Монтэгю сказал Королю: «Государь, на сей раз вам от него не уйти. Человек этот вас не знает, на мне ваш орден,²¹ я притворюсь Королем, а вы станете позади меня». Шотландец излагает свое прошение; Монтэгю ему отвечает: «Вам не следует удивляться, что я ничего для вас не сделал, ведь я ничего не сделал еще и для Монтэгю, который оказал мне столько услуг». Король Иаков шутку понимает и потому говорит: «Отойдите-ка в сторонку, хватит вам играть».

Генрих IV отлично понимал, что разрушать старый Париж означало бы, как говорится, наило самому же себе нос откусить; и в этом он был мудрее своего предшественника,²² который говаривал, что у Парижа слишком большая голова и ее нужно бы отрубить. Генрих IV пожелал все же, по понятным причинам, иметь какой-нибудь выход из города, дабы можно было покинуть Париж незаметно; с этой целью он велел пристроить к Лувру галерею, которой в первоначальном плане не было, чтобы попадать через нее в Тюильри, вошедший в городскую ограду всего двадцать—двадцать пять лет назад. Г-н де Невер в это время строил для себя Неверский дворец. Генрих IV находил его черес-